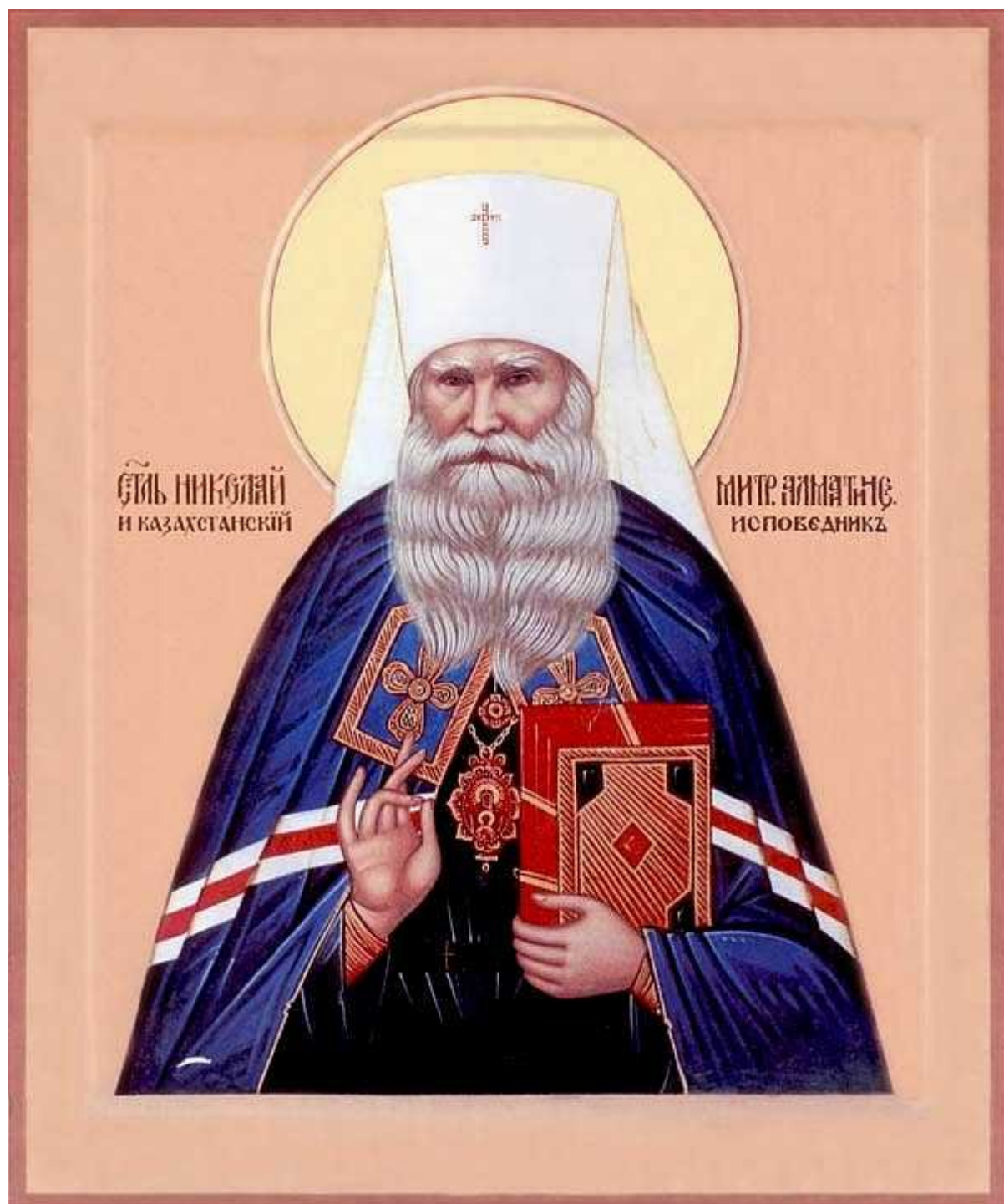

НИКОЛЬСКИЙ БЛАГОВЕСТ

По благословению Александра, митрополита Астанайского и Казахстанского

**Никольский Благовест N 21 (637), 2 сентября
2012 г.**

**Святитель Николай исповедник,
митрополит Алматинский и Казахстанский**

Митрополит Алматинский и Казахстанский Иосиф (Чернов)

Если Господь - воплощенная Любовь, Кротость и Смирение - безропотно прошел путь скорбей и крестных мук, то имеем ли мы право желать пройти жизненный путь, утопая в довольствии, без трудов, без подвигов и болезней?

Конечно, Господь не требует, чтобы мы сами себе создавали трудности, и только желает, чтобы мы бодро и радостно несли свой крест, Им посылаемый и ведущий нас к блаженной, радостной цели.

Митрополит Иосиф (Чернов)

О злых виноградарях

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня Церковь вновь напоминает нам притчу Христову о винограднике - самую печальную притчу, самую горькую, рисующую нам жестокую правду о человеческом роде. Эта притча о том, как Господь стучится к людям, ждет, что они отзовутся, посылает своих вестников и посланников. Но люди не желают их принять, не желают слушать, восстают на них, вплоть до того, что восстают на Самого Сына, посланного Небом. А ведь господин из этой притчи не просто посылал своих слуг в виноградник. Он ждал того, что работники, которые трудились в винограднике, отдадут какие-нибудь плоды своего труда хозяину своему, владельцу, господину, потому что ни земля, ни виноградники им не принадлежали.

Если мы с вами задумаемся, то сразу поймем, что и нам все дано, но мы не владеем тем, что у нас есть. И сама жизнь нам дана. Мы ее сейчас имеем, а завтра можем потерять, лишиться. И само здоровье нам дано, ведь сегодня имеем его, а завтра можем потерять. И многое, что у нас есть, нам не принадлежит, а является даром, который мы можем утратить. И поскольку это дар Божий, то мы должны его умножать и что-то возратить Тому, Кто нам это дал.

И вот печальная картина: приходят слуги, а их избивают, и прогоняют. Вместо благодарности и возвращения долга - алчность, лень, жестокость... И это относится не только к древним временам, а ко всякому времени. Когда мы читаем о жизни служителей Божиих, будь то пророков в Ветхом Завете, будь то апостолов, святителей, подвижников в Новом Завете, - это те немногие, кто действительно были посланы пробудить людей, напомнить им о Небе, сказать им: доколе вы будете спать в своей жизни, коснеть, уходя бесплодно? Сколько времени будет Господь ждать от Вас плодов?

И вот эти люди, которые пробуждали в нас совесть, всегда встречали самое большое ожесточение. История святых Церкви как бы продолжает Евангельскую историю о Господе, Который был отвергнут. Если мы вспомним о великих подвижниках - они были гонимы и презираемы. Такие, как митрополит Филипп

Московский, который умер от рук царского палача, только за то, что он в царе пробуждал совесть и обличал его в глаза. Иоанн Златоуст был низложен Собором духовенства по приказу императора только потому, что он обличал богатых христиан и требовал от них, чтобы они делились с бедняками, которые наполняли столицу.

Так бывало с очень многими подвижниками. И преподобный Серафим Саровский, чудотворец, был на дурном счету у начальства, которое считало его мечтателем и странным человеком. Его осуждали, он терпел всевозможные утеснения. Так было до самых поздних дней. Вот один из последних праведников, которых мы знаем - старец Варсонофий Оптинский, прославленный в начале нашего века, умерший в 1912 году. Такое на него было воздвигнуто гонение властями церковными и гражданскими, что они заставили его покинуть монастырь, его, уже глубокого старца, заставили скитаться в чужих местах, только потому, что он жил не как все, а старался Слово Божие возвещать открыто и ясно. У людей это вызывало зависть, смущение, недовольство. Старец горько закончил свою жизнь.

Так вот, все эти люди были нам посылаемы. И Сам Господь стоит во главе мучеников, изгнанников и отверженных на этой земле. Он Сам был непринятым, непонятым мучеником.

Но притча эта касается не только церковных времен прошлого и настоящего. Она касается каждого, потому что не только к своей Церкви Господь обращается и посылает пробудителей совести, но ко всему роду человеческому, к каждому из нас. Он постоянно стучится и просится. Он постоянно говорит нам: "Проснись, пробудись, доколе ты будешь жить как в полутьме? Доколе ты будешь погрязать в грехе, как в болоте?"

И вот, трудные обстоятельства нашей жизни или, наоборот, какие-то особенные, благодатные, благословенные минуты, какие-то особые просветления, которые нас посещают во время молитвы - все они означают, что Господь нас зовет, что Он хочет, чтобы мы принесли Ему свои плоды, свое сердце. И как горько бывает Ему, когда мы этих знаков не принимаем, когда один за другим эти знаки Божии к нам приходят бесполезно, и мы поступаем в точности, как те жестокие и нерадивые рабы: Бог зовет. Он требует, а мы стоим к Нему спиной...

Вот о чем эта притча. И если мы сейчас не хотим оказаться в положении этих нерадивых рабов, которые были отвергнуты - "злых зле погубит", говорится в притче - давайте, уходя из храма, подумаем, какими нас видит Господь, что Он о нас думает? Что Он думает о нашей молитве? Видит ли Он, что мы часто стремимся беседовать с Ним? Или, наоборот, мы смотрим на молитву как на тяжелую обузу: так, по привычке, что-то утром прочтем быстренько, вечером пробормочем на сон грядущий и потом больше не возвращаемся.

Или, что Господь думает о том, как мы с вами духовно растем? Ведь Ему видно наше сердце, и Он знает, какие мы были год назад, десять лет назад. Видит ли Он, что мы исправились в чем-то, изменились, что мы сделали несколько шагов к Нему навстречу, пускай маленьких и робких? Видит ли Он наши труды, наши дела? Он знает наше отношение к людям, с которыми мы живем. И что бы Он увидел, если бы сейчас заглянул в сердце каждого из нас? Подумаем об этом. Пусть это будет для нас суровым напоминанием. Ведь это перед людьми мы можем казаться лучше, чем есть, можем ходить в маске, можем изображать из себя все, что угодно. Но Господь видит наше сердце до дна. Какой же суд Он произнесет нашему сердцу сегодня?

Когда мы подходили к исповеди и к Святой Чаше, мы тем самым как бы свидетельствовали о своем желании придти к Нему. И вот, Его свет нас пронизал насквозь. Постараемся же почувствовать, как этот свет освещает все темные закоулки нашей души. Постараемся сказать себе: нет, мы не хотим быть теми нерадивыми рабами. Ты, Господи, посылаешь мне Свои знаки и я постараюсь слушать их, я постараюсь внимать им, постараюсь свою короткую жизнь переделать и сделать ее достойной Твоего зова, Твоей святости, Твоей любви. И тогда, если Ты придешь ко мне, когда жизнь моя будет взвешена на весах, когда придет время сбора этого винограда в винограднике, и Ты скажешь мне: "Мало ты сделал по твоей немощи, но вот этот малый труд твой, который ты делал для Меня в стремлении своего сердца, я приемлю с любовью".

Но куда печальнее будет, если окажется, что у нас ничего нет, все пусто, все бесплодно. Тогда конец нашего пути будет такой же печальный, как конец этой притчи. Сколько раз бывало, что люди, которые воображали себя имеющими благодать и духовные богатства, оказывались отвергнутыми. Да не будет с нами этого! Потому-то Слово Господне есть не только слово утешения, не только слово ободрения и любви, но также и слово предостережения, чтобы оградить нас всех от зла и от гибели вечной. Аминь

Протоиерей. Александр (Мень)

<http://www.golubinski.ru/katehizis/vinogradnik.htm>

Осталась светлая память...

отрывок

Митрополит Иосиф был первым архиереем, которого я увидел в своей жизни и с которым непосредственно общался. Я приехал к нему в Алма-Ату, на улицу Минина 10, в маленький скромный домик. Митрополит Иосиф выглядел, как библейский старец, одет он был в простой подрясник. Он сразу поразил меня своей добротой, доброжелательностью. Он узнал, что я первый раз в Алма-Ате, дал свою машину, и водитель нас возил по всему городу, и в горы на Медео.

Митрополит Иосиф был прекрасным рассказчиком - мог часами вспоминать о событиях из своей жизни, или вести разговор на какую-то интересную тему. Мы порой уже теряли нить повествования - он то в одну сторону уходит, то в другую, а потом сам напоминает: "Нет, нет, я про это вам говорю".

Владыка рассказывал, что когда его посветили в иеромонаха, он тысячу дней, без перерыва совершал Божественную литургию.

Двадцать лет он провел в лагерях и ссылках. Я был поражен тем, что пришлось пережить ему в годы заключения. Особенно запомнился один из рассказов Владыки.

"В Таганроге, - рассказывал он, - в архиерейских покоях висела икона сорока мучеников, в Севастийском озере мучившихся. Я, будучи еще молодым иеродиаконом и келейником владыки Арсения, часто проходил мимо этой иконы, но не оказывал должного почитания этим страдальцам, и даже немного сомневался в их существовании: то ли были они, то ли их не было...

И вот, зимой 1943 года, в Умани я сидел в гестаповской тюрьме, где окна были без рам, а на улице стояли страшные морозы. Я был почти раздет - на мне только подрясник. Я замерзал в этом каменном мешке и просил смерти: "Господи, дай мне умереть!" - невозможно было, не было сил терпеть эту стужу. Тогда-то я вспомнил о сорока мучениках Севастийских и стал им молиться, просить прощения за то, что не почитал их, не понимал их мученического подвига. Молился горячо, усердно, и вскоре от души отступило отчаяние, по телу разлилось тепло, и я согрелся. И когда холод и отчаяние отступили, открылась дверь камеры и мне принесли передачу - Святые Дары, хлеб и теплую одежду.

К городу подступали советские войска, и немцы стали расстреливать заключенных. Верующие Умани собрали золото и подкупили помощника начальника тюрьмы. Он дал слово, что оставит меня в живых. И вот, я взял в ладони Святые Дары и всю ночь перед ними молился, думал: как ключом зашевелят в двери камеры, причащусь, и с Богом пойду на расстрел - значит Его воля. Слышу - ключом открывают дверь, я причастился Святых Таин. Меня вывели из камеры и поставили последним в числе заключенных. Когда проходили по какой-то лестнице, помощник начальника тюрьмы просто затолкнул меня в коморку под лестницей и сказал: "Сиди здесь!" И тогда, как пленных немцы - одних расстреляли, других угнали с собой, я единственный остался жив. Но вскоре пришли советские войска, и вместо свободы меня уже советские власти посадили в тюрьму".

В дальнейшем, когда владыка Иосиф находился в лагерях, он некоторое время выполнял там самые низкие работы и при этом не роптал, а, как Иоанн Дамаскин, который тоже нужники чистил, смирялся и спокойно относился к этому послушанию.

У Владыки был каталог русских архиереев, подаренный ему митрополитом Мануилом. Тем архиереям, которых Владыка знал, он давал характеристики, записывая их на полях каталога. И вот об одном архиерее Владыка говорил: "Я его знал. Народ его не любил. Он ушел с немцами".

Митрополит Иосиф был человеком могучего ума, одаренным от природы. Как сам он говорил: "Семинарию-то я не заканчивал. Но чтобы получить образование перечитал все книги святых отцов, подвижников благочестия, все жития святых. Даже всю классику, всю советскую литературу перечитал". Он на любые вопросы мог ответить, дать мудрый совет.

Митрополит Иосиф был благодатным архиереем, молитвенником, к людям относился с добром, с любовью.

И людей, как магнитом, к нему притягивало. Владыку любили не только люди, но и животные. У него была огромная черная собака по кличке Джерри. Меня поражало, как она к Владыке подбегала, ласкалась! Как преподобный Исаак Сириин говорит: "Блажен, кто и скоты милует".

Однажды, когда я гостил у Владыки, он показывал мне домовый храм и попросил меня перенести аналой с одного места на другое. И я с таким страхом и трепетом поднял и понес этот аналой, что батюшка, стоявший рядом, стал меня подгонять: "Ну что ты, неживой что ли? Неси!" А Владыка говорит: "Не делай ему замечания. Он с благоговением относится к церковному предмету". И добавил: "И всегда так относись: и к аналою и к облачению. Все, что церковное - все несет на себе благодать Божию. Всегда очень осторожно и с благоговением относись к церковным вещам".

Поразило меня то, с каким благоговением митрополит Иосиф совершал богослужения - это стало для меня образцом. Поражали меня и его проповеди.

Владыка любил добрую шутку. Как-то однажды служил он в Целинограде, и когда после Литургии собралось на обед духовенство со всей Целиноградской области, приходит и местный батюшка, отец Димитрий. Но почему-то явился в светской одежде. Владыка не стал при всех его ругать, делать замечания, только сказал: "Ой, посмотрите, кто это?!" Это было сказано так, что все рассмеялись, а батюшка покраснел, ему стало стыдно. Вот такой доброй шуткой митрополит Иосиф вразумил священника - и не отругал, и в то же время дал понять, что священнику нельзя ходить, как простому мирянину.

Рассказывал, как привели однажды какого-то ставленника для принятия сана. И вот, проходит епархиальный совет. Ставленника спрашивают: где родился, где крестился, какая у тебя семья, как ты живешь и прочее. "Мы вопросы задаем, - рассказывал Владыка, - но чувствуем - что-то не то... И спрашиваю:

- А как вашу супругу зовут?

Он называет имя. Я говорю:

- А вторую?

Он называет имя второй. Ну, тогда все, собрание закончилось, ясно стало, что это не кандидат, а случайный человек.

Однажды владыка Иосиф служил в Караганде. Там в то время было два храма: в Михайловке и в Пришахтинске. Так вот, в Михайловке храм был необычный. Преподобный Севастиан, последний Оптинский старец его построил. В годы гонений отца Севастиана сослали в Карлаг, а когда он из лагерей освободился, Оптина пустынь была закрыта. Куда ему ехать? И он понял, что воля Божия - здесь остаться. Батюшка стал служить в Караганде и построил этот храм, такой особенный. Власти безбожные разрешили ему построить церковь, но чтобы она была не выше обычного дома.

А я однажды ездил в Болгарию, и там нас возили в Плевну, в один необычный храм, врытый в землю. Почему? Потому что турки разрешили болгарам построить храм не выше всадника на коне. И тогда я вспомнил Караганду, где в Михайловке тоже построили храм, как простой домик, но врыли в землю на метр. Снаружи - дом обыкновенный. Аходишь - и просторно, и потолок высокий.

И вот, шел семьдесят второй год, престольный праздник был в этом храме, народу битком. И дьякон такой старенький, немощный, возглашает ектенью об оглашенных, а его почти не слышно было. Я стою в храме и думаю: "Как же так, если ектенья об оглашенных, а такого дьякона никто не услышит, то и оглашенные не изыдут". И вдруг, рядом женщина бесноватая, как зарычит на весь храм: "Я, - говорит, - тебе изыду, я тебе так изыду, что сам отсюда выйдешь!" А служил владыка Иосиф. Он благодатным был человеком, люди получали помощь его молитвами, а бесы их не могли переносить.

Я благодарен митрополиту Иосифу за то, что он повлиял на выбор моего жизненного пути и дал мне направление в Духовную семинарию. Поступить туда было трудно, в советские времена из Москвы и Московской области молодежь не принимали. А я в Сергиевом Посаде тогда жил, и чтобы поступить в

семинарию, выписался из Посада и прописался в Казахстане. Поэтому Владыка мне дал рекомендацию. "Ну, - думаю, - рекомендация архиерейская, конечно, меня примут". Но не тут-то было! Я на одно ухо не слышу, и когда проходил медкомиссию, меня забраковали, хотя экзамены я сдал на одни пятерки. Что делать? Звоню Владыке. Он утешает: "Володя, не переживай. Я сам двадцать лет сапоги чистил владыке Арсению. Не переживай, ты обязательно поступишь, безо всяких сомнений". И действительно, меня оставили кандидатом, а потом зачислили в число студентов.

Конечно, сапоги-то можно чистить двадцать лет. Но чтобы двадцать лет провести в лагерях и ссылках, как митрополит Иосиф... Меня поражало то, что после ссылок и лагерей у него было всегда радостное настроение! Обычно люди выходят из тюрьмы или возвращаются из горячих точек - с Афгана, из Чечни - озлобленные, и раздраженные. Видно, что много тяжелого пришлось пережить. Но Владыка тоже много пережил - двадцать лет лагерей и ссылок! И в то же время он нес радостное настроение, как Господь сказал по воскресении Своем: "Радуйтесь!". И апостол Павел говорит: "Радуйтесь всегда о Господе! И паки реку: радуйтесь!". Эти слова апостола Павла Владыка явно воплощал в своей жизни. Он всегда радовался и этой радостью заражал тех, кто к нему приходил.

И еще такую прозорливую вещь сказал митрополит Иосиф, когда я был еще студентом института: "Володя, если ты не женишься, будешь архиереем. А если женишься - будешь протоиереем". Я подумал тогда: "Ну что там Владыка-старичок говорит!" Но как только после окончания Семинарии я начал служить в Москве, в храме Знамени Пресвятой Богородицы в Переяславской слободе, и настоятель, и церковный совет так меня полюбили, что тут же мою кандидатуру представили Патриарху Пимену к протоиерейству, хотя шел только первый год моего служения в священном сане. Тогда я вспомнил митрополита Иосифа.

Случайностей в жизни не бывает. Не случайно я познакомился с владыкой Иосифом. Конечно, по всякому могла сложиться моя судьба, но Господь каждого человека ведет своим путем. Я познакомился с митрополитом Иосифом, и, общаясь с ним, решил стать священником. Глядя на Владыку, я видел, каким должен быть священнослужитель и старался почерпнуть от него лучшие качества. И я считаю, что мне в жизни очень повезло.

Со смертью Владыки духовная связь с ним не прекращается. Когда за живых людей молишься, они это чувствуют, и тем более чувствуют молитву усопшие. Митрополита Иосифа мы всегда поминаем, потому что Владыка не может быть забыт теми, кто знал его при жизни, и теми, кто не знал, но слышал и читал о нем.

Воспоминания Протоиерея Владимира Ригина

Вера Королева

Святитель-исповедник Николай, митрополит Алматинский и Казахстанский

8 сентября 2000 года по благословению архиепископа Астанайского и Алматинского (ныне - митрополит Тульский и Белевский) Алексия (Кутепова) честные мощи святителя-исповедника Николая были обреты на городском кладбище и перенесены в Никольский собор г. Алматы.

:К сожалению, уже не много живет людей, которые знали Владыку и имели счастливую возможность молиться вместе с ним под сводами этого Свято-Никольского собора. Но те, кто помнят его, знают, с каким усердием этот святитель Христов совершал каждое богослужение - не в пример нам, грешным и слабым. Он не спешил покидать храм после службы, а всеобщее бдение, к примеру, продолжалось не менее четырех часов, а порой и больше. Мы все торопимся, ссылаясь на занятость, на усталость, на недомогания и болезни, на то, что нас ожидает земная жизнь, с ее суетой, заботами и грехами. А Владыка - этот физически немощный и престарелый человек (когда он прибыл на нашу Алматинскую кафедру, ему было 68 лет) -

был полон энергии и оптимизма, он всего себя, без остатка, отдавал Богу и людям, не жалея ни времени, ни сил. И это, несмотря на те многотрудные и страшные испытания, которые пришлось пережить святителю от богоборческой власти. И все эти испытания он претерпевал с необыкновенным мужеством и упованием на милость Божию. Поразительно, и я уже говорил об этом, но когда читаешь изданные письма Владыки, которые он писал из ссылки, не встречаешь в них ни жалости к самому себе, ни раздражения на окружающую его действительность, ни обиды на людей и на Бога - в них твердая вера, непоколебимое упование на то, что Господь вместе с ним, Господь не оставляет его, и уверенность с помощью Божией преодолеть все трудности и невзгоды, которые выпали на его долю. Сколько лет тюрем, ссылок и изгнаний! И, как следствие, - подорванное здоровье. Но, тем не менее, после каждой Божественной литургии, которую он совершал, святитель оставался в храме и подолгу благословлял каждого подходившего к нему человека. Он не спешил отдыхать. Он не принадлежал себе - он принадлежал Богу и людям: Какой назидательный урок для нас!

Те священнослужители, которые имели счастье сослужить ему, свидетельствуют, что со слезами на глазах

всякий раз святитель Николай совершал Божественную литургию. Он, как ребенок, благодарил Бога за то, что Господь даровал ему возможность служения еще одной Божественной литургии. И здесь давайте спросим самих себя, а с радостью ли мы идем в храм Божий и пребываем за тем или иным богослужением. Благодарим ли мы Господа за это счастье и осознаем ли мы, что это - действительно счастье? И если сейчас нелицеприятно ответить на эти вопросы, то можно сказать, что, к сожалению, далеко не всегда мы спешим с радостью в храм Божий. Далек не всегда здесь, в храме, мы готовы так же, как Владыка Николай, со слезами предстоять перед Богом, перед Его Пречистой Матерью и всеми святыми, воздавая хвалу и славословие Господу, испрашивая прощения тех многих грехов, которые мы вольно или невольно совершаем. Поэтому, братья и сестры, когда мы всматриваемся в святой лик святителя, пусть каждый из нас учится у него тем добродетелям, без которых невозможно следовать за Христом. И главная из этих добродетелей - любовь! Будем учиться у Владыки любви к Богу, любви к людям, жизни по Христу!

Я вспоминаю слова приснопамятного архимандрита Исаакия (Виноградова), который был во время архипастырского служения святителя Николая настоятелем этого собора. Во время Евхаристического канона священник или архиерей тайно читает молитву обо всем мире, о каждом живущем на земле человеке. Владыка читал эту молитву со слезами на глазах - так он любил всех людей. Каждого человека, с которым ему приходилось встречаться в жизни, он записывал в свой поминальный синодик. Этих синодиков у него было несколько, и они были весьма объемны. И за каждым богослужением Владыка, предстоя жертвеннику, вынимал частицы и за тех людей, с которыми ему приходилось встречаться хотя бы раз в жизни. Никто не помнит, чтобы Владыка произнес в адрес кого-то плохое слово или как-то по недоброму посмотрел на какого-то человека. И здесь снова обратимся к самим себе. Сколько скверных, обидных слов мы говорим в адрес друг друга. Чуть-чуть что не так - задели нас, сказали что-то неприятное - и все, тут из нас изрыгается такой поток сквернословия или язвительности, что становится страшно. Нет, братья и сестры, если мы считаем себя духовными чадами святителя Николая, то разве можем мы так относиться друг к другу? Разве можно с такой ненавистью, раздражением, эгоизмом, черствостью, завистью в сердце жить? Нет, и еще раз, нет! Надо учиться жертвенности, любви, кротости, смирению, с какими Владыка относился ко всем людям.

А вот воспоминание одного из иподиаконов святителя Николая - Павла Васильевича Уржумцева. Недавно я встречался с ним в Москве, в Покровском храме во время престольного праздника Покрова Пресвятой Богородицы. И этот уже пожилой человек рассказывал о своих встречах с митрополитом Николаем. Однажды встречали Владыку ко всенощному бдению. Духовенство встречает архипастыря в притворе, далее иподиаконы должны надеть на него мантию, в которой архиерей проходит в храм, а затем - и в алтарь. Вынесли иподиаконы мантию, но не проследили, что она вывернута наизнанку - так и одели. Снимают, в волнении одевают снова, и опять - наизнанку. Волнение усиливается. Снимают, и одевают снова, и в третий раз - наизнанку! Казалось бы, по-человечески, можно было бы "вскипеть" и такой нагоняй дать нерадивым иподиаконам, а Владыка с кротостью говорит своим бархатным баритоном: "Доколе будете испытывать терпение архиерейское?" Вот так, братья и сестры, с терпением ко всему относился святитель Николай. И если мы хотим именоваться его духовными чадами, то должны в своей жизни стяжать эти добродетели, которые называются смирением, терпением, кротостью и любовью.

И теперь мне бы хотелось обратиться к вам словами самого святителя-исповедника Николая. Вот некоторые выдержки из его многих поучений, с которыми он неустанно обращался к своим духовным чадам. "Самое нужное - возгнать в людях любовь к Богу и ближним своим. Как было во времена Ветхого Завета, так и сейчас об этом самом нужном деле люди забывают. Фарисеи видели первую заповедь или в соблюдении субботы, или в омовении, или в жертвах. А мы что? Иная бабушка говорит: "Самое главное - соблюдать пост". "Такая-то в храм Божий не ходит - нет ей спасения", - добавляет другая. Други мои (излюбленное обращение Владыки Николая к верующим), нужно и то, и другое, но ведь не это - главное. Это только средство, но не цель. Главное в очах Божиих - любовь к Нему, а проявляется она в любви к окружающим. "Кто любит Меня, тот заповеди Мои соблюдает", - сказал Сам Христос. А заповедь его есть: "Да любите друг друга". А если мы ходим в церковь, постимся, но при этом ссоримся, завидуем, осуждаем, даже клеветаем друг на друга и на духовных отцов наших, то понесем за это двойное наказание. Деятельная любовь к ближним угоднее Богу, чем самые трудные аскетические подвиги. И на Страшном Суде о чем, прежде всего, спросит нас Господь? Сколько мы поклонов положили или как посты соблюдали? Нет. Он спросит нас о том, накормили ли мы алчущего, напоили ли жаждущего, посетили ли болящего, утешили ли скорбящего, дали ли добрый совет находящемуся в затруднении. Что значит быть милостивым? Подавать милостыню можно и телесную, и духовную. Если вы напоите жаждущего, накормите голодного, если к вам придет нищий и попросит одежды, а вы подадите ему хотя бы ветхое рубище прикрыть свою наготу, то всем этим вы окажите милость телесную. Дела милости духовной - утешить скорбящего, подать добрый совет, предотвратить от греха, помочь грешнику вернуться на путь спасения. Всякую милостыню под видом человека принимает Сам Господь наш Иисус Христос. И это мы знаем совершенно точно. Не упускайте же случая, никогда не упускайте делать добро!"

Можно, братья и сестры, еще очень долго читать весьма полезные, и, главное, спасительные назидания митрополита Николая. Нам надо их не только читать и слушать, но и слагать в сердце своем. Ведь для чего обращался к своим духовным чадам святитель Николай? Для чего сегодня вновь и вновь обращаются к вам священнослужители с этого ответственного и страшного места, именуемого амвоном? Не для того, чтобы вы просто слушали и умилялись, но для того, чтобы вы назидались, исправлялись и совершенствовались. Помните, я уже говорил вам об одном священнике, который, прибыв на один приход, обратился к прихожанам со словом назидания. Прошла неделя, и в воскресный день он вновь вышел и произнес ту же самую проповедь. Так повторялось несколько недель подряд. И тогда один из ревностных прихожан, не вытерпев, спрашивает: "Батюшка, что же Вы говорите все одно и то же? Неужели Вам нечего больше нам сказать?" А священник отвечает: "Вот, когда вы научитесь исполнять то, что я говорю, тогда я вам буду говорить что-то другое".

Всякий раз, слушая проповедь того или иного священника, кто-то может сказать: "Почему все время одно и то же? Что нас постоянно учат любить Бога? Что нас постоянно призывают в храмы на богослужения? Нельзя ли что-нибудь другое - хочется чего-то нового, интересного!" Но давайте спросим самих себя: "Что самое главное в нашей

жизни?" И вот ответ: стяжание спасения! А что необходимо для спасения? Это любовь к Богу неподдельная, нелицемерная, до конца - до положения живота своего - любовь к Богу и к окружающим нас людям. Поэтому, если священник вновь и вновь призывает нас к этому, так это лишь только потому, что на поверку-то выходит, что я, несмотря на то, что каждый раз слышу это во время проповеди, не исполняю это, не стремлюсь к этому, и ничто не изменяется к лучшему в моей жизни. И сегодня, прослушав назидания Владыки Николая, пусть каждый из нас запечатлеет их в своем сердце, задумается над теми непростыми вопросами, которые ставит перед нами святитель, и приложит все усилия, чтобы сдвинуться с места и пусть небольшими шажками, но все-таки идти к своему спасению вслед за Владыкой, за всеми святыми, по пути, который указал нам наш Господь и спаситель Иисус Христос. Вот какой урок всем нам преподносит Святая Христова Православная Церковь, совершая память святителя-исповедника Николая, митрополита Алматинского и Казахстанского.

Протоиерей Валерий Захаров, 2001г.

Антоний и сапожник

Приобретение правильных мыслей сопровождается низвержением с постаментов мыслей ложных. Подобное низвержение равноценно сокрушению идолов.

Нося в себе ложную мысль, некую ложную жизненную установку, человек рискует прожить всю жизнь идолопоклонником. Или, по крайней мере, не достичь того, на что потенциально способен.

Вот Антоний, этот житель пустыни, к которому, в ответ на его просьбу, даже являлся Моисей, чтобы объяснить темные места в Писании; этот человек, "объятый Богом и посвященный в тайны", слышит голос. И голос говорит ему, что он, Антоний, не вошел еще в меру некоего сапожника, живущего в Александрии. Антоний покидает пустыню и, водимый Богом, приходит в подлинный муравейник к одному из муравьев, имеющему в сердце правильные мысли.

Александрия - одно из детищ Александра Македонского, этого первого подлинного глобалиста, мечтавшего

о всемирной империи. В Александрийский порт приходят сотни кораблей. Сюда приплывают и по суше приезжают люди, чтобы купить и продать товары. Сюда приходят, чтобы послушать известных проповедников или философов. Здесь можно найти во множестве тех, кто прожигает жизнь в удовольствиях и тратит то, что получил в наследство или заработал. Здесь иностранцы прячутся от наказания за преступления, совершенные на родине. Здесь можно встретить все, увидеть все и узнать все. Монаху сюда приходиться не стоит, разве что в каком-то особом случае.

И вот Антоний стучится в дверь, к которой привел его Бог. Стучится и слышит позволение войти.

Старец просит хозяина открыть секрет: "Чем ты угождаешь Богу? В чем твоё делание, то есть тот тайный сердечный труд, который никому, кроме Бога, не виден?"

Сапожник в страхе и недоумении. У него нет подвига. Монах его с кем-то перепутал. Он просто работает. Садится у окна, временами смотрит на улицу и работает. Вот и все.

"Я ничего не перепутал, - говорит Антоний, - молю тебя, открой мне твоё делание".

Тогда сапожник в простоте сердца рассказывает о том, что наполняет его душу.

Работая, он смотрит то и дело на улицу, по которой проходят толпы самых разных людей. Это люди обоих полов и всех возрастов, одетые роскошно и едва прикрытые лохмотьями, местные и приезжие, празднично гуляющие и спешащие по делам. Их очень много, и все они кажутся сапожнику хорошими. Сапожник видит их лучшими, чем он сам. Их, думает он, любит Господь. Склоняясь к работе, он то и дело говорит себе, что все эти люди спасутся, ибо они хороши и любит их Бог. "Видно, я один погибну за грехи мои", - думает он и, творя молитву, продолжает трудиться.

После этих слов Антоний в землю кланяется хозяину и идет обратно. Он услышал то, ради чего приходил. Воистину не зря он приходил. Уходят из Александрийской гавани корабли, груженные разнообразным товаром. Уходит из города и монах, уносящий в сердце подлинное сокровище - мысль, рожденную от Духа Святого, мысль, ведущую к спасению. "Все лучше меня. Все спасутся, один я достоин гибели за грехи мои".

"Все погибнут. Я спасусь", - говорит гордая ложь.

"Все спасутся. Я погибну", - говорит совесть, просвещенная Духом.

Таков урок истории, и если рассказывать истории, то лишь ради смысла, из них извлекаемого.

Но у меня есть вопрос.

Или два вопроса.

Или сто вопросов.

В любом случае, это очень непонятное учение, хотя душа моя чувствует, что она прикоснулась к правде. Прикоснулась к парадоксальной правде Божией и тут же отпрянула, испугавшись прикосновения.

Во-первых, как это "я погибну"? Пусть "спасутся все", я согласен. Но я? Почему погибну? И как не отчаяться при этом?

И потом, разве не выбирают себе люди религию по признаку истинности? Разве не гордятся люди своим выбором и не доказывают всем и постоянно свою религиозную правоту? "Я прав, а вы заблуждаетесь", - вот первый ход той шахматной партии, которая зовется религиозным спором.

И ищем мы религию, ищем мучительно, и выбираем, именно чтобы спастись, а не погибнуть. Так что же это такое, я вас спрашиваю? Можно ли стоять в истине и быть готовым умереть за нее, считая при этом всех людей чуть ли не ангелами, а себя одного на целом свете достойным гибели?

Оказывается, что только так и можно стоять в истине. Может быть, компьютерный мозг этого и не поймет, но человеческая душа обязана постигать подобные благодатные парадоксы.

Я не знаю других душ, знаю только, что они таинственны и бездонны. И еще знаю, что любит их Господь.

Из всех душ в мире я знаю только свою одну, и то - отчасти. Но и того, что я знаю о себе, мне достаточно, чтобы сказать: "Я - дитя гибели".

Как раб, выставленный на продажу и купленный новым хозяином, я принадлежу катастрофе грехопадения. Никакие мои усилия не дают мне свободы. Пробовал я уже не раз. Вывод жуток: я клеймен и закован.

Христос пришел выкупить меня. Он велел расклепать мои кандалы, а в уплату позволил пробить гвоздями Свои раскинутые по краям Креста руки.

Разве я способен рассуждать о чужих грехах и думать о том, кто кого грешнее, если следы, натертые кандалами, все еще на моих руках, а Сам Господь *предначертан пред глазами, как бы у нас распятый* (см.: Гал. 3: 1)?

Это и есть признак принадлежности к истине - нежелание думать о чужих грехах, отказ от того, чтобы взвешивать, сравнивать и оценивать чужие грехи. Я погибаю - меня исцеляет Бог; я попал в рабство - за

меня заплачен выкуп.

Вера - это погружение в свою боль и оплакивание себя, как мертвеца. И если прольются об этом мертвеце слезы, то очищенные слезой глаза способны видеть мир по сказанному: *"Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть"* (Тит 1: 15).

И не осуждать может душа только тогда, когда носит пред собою свою собственную немощь и видит ежеминутно, что хвалиться ей нечем.

А раз не судит душа других, то сама судима не будет. Вот что значит: *на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин. 5: 24).

Только как не отчаяться при таком образе мыслей? Как не ослабеть, и не тосковать, и не убивать себя печалью?

Что ж, скажем и об этом.

Это гордость наша пищит, и скулит, и изворачивается, и умирать не хочет. Это она рождает тоску убийственную и печаль беспросветную.

Но Тот же Дух, Который открывает нам внутреннюю нашу порчу, Тот же, говорю, Дух шепчет и утешение, ибо Он - Утешитель.

Тем избранным сосудам, которые способны вместить Его слово, Дух говорит краткие слова и дает большую силу. Так Силуан Афонский посреди великой борьбы, страданий и испытаний услышал: *"Держи ум свой во аде и не отчаивайся"*. Слова эти и сила, им сопутствующая, нужны всем, кто ощущает себя погружающимся по временам в ад отчаяния и безнадежности.

Так опыт подвижников и пустынников оказывается востребован и полезен; да что "полезен" - спасителен для многих живущих в миру.

Сам опыт этот пустынники способны получать от мирян, как Антоний - от сапожника, потому что не на лица зрит Бог, а на сердце. И там, в сердце, в страшной его глубине, которую хочет наполнить Собою Дух, блекнет все, что составляет отличия людей в земной жизни.

Причастный Богу человек не гордится ничем.

Причастный Богу человек никого не хочет осуждать, чтобы не похищать власть у Единого.

Этот человек смиренно молится и благодарно помнит о Христовых страстях и Воскресении.

"В вас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе" (Фил. 2: 5), - говорит Писание.

А что чувствовал Иисус, идя на искупительную смерть? Можем ли мы приблизиться к образу Его мыслей?

Оказывается, можем и должны.

Эти слова означают, что мы должны однажды дорасти до желания распяться за ближнего, лишь бы он был спасен! И только это есть подлинная святость и последование стопам Иисусовым. Если же нет этого и не предвидится, то чем гордиться? Нечем, но ведь гордимся, и еще как!

Не значит ли это также, что мы должны дорасти и до молитвы Моисея, просившего однажды изгладить его из Книги жизни, только бы Бог не погубил народ?

В любом случае, слова, процитированные выше, ведут нас в сторону жертвы. Не той, что требуют себе и ради себя, а той, что приносят за других. И один из отцов пустыни сказал, имея Дух Христов, что с радостью, если бы мог, поменялся бы кожей с любым прокаженным.

Так вот оно - Православие, на тех запредельных высотах, на которых дышать тяжело!

Нести крест и не ждать похвалы; терпеть и жалеть других, не ожидая к себе снисхождения. Разве не так поступал Начальник веры - Христос?

Нужно, по крайней мере, знать об этих сияющих высотах подвига, чтобы не осуждать никого и собой не гордиться. Ведь особенно в напоминании о необходимости смирения нуждаются те, кто отсек (вроде бы) от себя грубые страсти и начал молиться регулярно и стал что-то святое узнавать и (вроде бы) понимать. Такие люди особенно способны (по причине любования собою) превратить христианство в чудовищную пародию, в насмешку над святостью и в издевательство над ближним.

Именно таким людям свойственно думать, что все погибнут, а они - спасутся.

Тогда как в действительности все может совершиться с точностью до наоборот.

Протоиерей Андрей Ткачев

<http://www.diveevo.ru/2/0/1/2417/>

Православный Календарь с 2 Сентября 2012 г. по 8 Сентября 2012 г.

Воскресенье, 2 Сентября 2012 года. Неделя 13-я по Пятидесятнице.

Попразднство Успения Пресвятой Богородицы. Прор. Самуила (XI в. до Р.Х.). Мчч. Севира и Мемнона и с ними 37-ми мучеников (304). Мч. Лукия сенатора, Кипрского. Мчч. Илиодора и Досы, Персидских. **Собор Московских святых.**

Божественная литургия Иоанна Златоуста, начало в 7-00 и 9-00 утра.

Понедельник, 3 Сентября 2012 года. Седмица 14-я по Пятидесятнице.

Попразднство Успения Пресвятой Богородицы. Ап. от 70-ти Фаддея (ок. 44). Мц. Вассы и чад ее, мчч. Феогния, Агапия и Писта (305-311). Прп. Авраамия, чудотв. Смоленского (XIII). Прп. Авраамия трудолюбивого, Печерского, в Ближних пещерах (XII-XIII). Прп. Феоклиты из Малой Азии. Прп. Корнилия, игумена Палеостровского, и ученика его, прп. Авраамия. Прп. Ефрема Смоленского.

Вторник, 4 Сентября 2012 года.

Попразднство Успения Пресвятой Богородицы. Мчч. Агафоника, Зотика, Феопрепия (Боголепа), Акиндина, Севериана и прочих (305-311). Сщмч. Горазда, еп. Богемского и Мораво-Силезского (1942) (Серб.). Сщмч. Афанасия еп. (270-275), прп. Анфусы (ок. 298) и слуг ее, мчч. Харисима и Неофита (270-275). Мц. Евлалии девы Барселонской (ок. 303). Прп. Исаака (первого) Оптинского. Новосщмчч. Ефрема (Кузнецова), еп. Селенгинского и прот. Иоанна Восторгова (1918). Грузинской иконы Божией Матери (1650).

Поминовение Митрополита Алматинского и Казахстанского Иосифа (Чернова) (1974).

Среда, 5 Сентября 2012 года.

Отдание праздника Успения Пресвятой Богородицы. Мч. Луппа (ок. 306). Сщмч. Иринаея, еп. Лионского (202). Прпп. Евтихия (ок. 540) и Флорентия (547). Свт. Каллиника, патриарха Константинопольского (705).

Четверг, 6 Сентября 2012 года.

Сщмч. Евтихия, ученика ап. Иоанна Богослова (I). **Перенесение мощей свт. Петра, митр. Московского, всея России чудотворца** (1479). Прп. Арсения Комельского (1550). Мч. Татиона (305). Мц. Сиры (Киры), девы Персидской (558). Прп. Георгия Лимнеота (ок. 716). Петровской иконы

Божией Матери (ок. 1306).

Пятница, 7 Сентября 2012 года.

Возвращение мощей ап. Варфоломея (VI). Ап. от 70-ти Тита, еп. Критского (I). Свт. Варсиса и Евлогия, епископов Едесских, и Протогена, еп. Каррийского, исповедника и др. с ними (IV). Свт. Мины, патриарха Цареградского (536-552).

Суббота, 8 Сентября 2012 года.

Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (*празднество установлено в память спасения Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 г.*). Обретение Мощей свт. Николая исп., митрополита Алматинского и Казахстанского (2000). Мчч. Адриана и Наталии и с ними 23-х (305-311). Прп. Адриана Ондрусовского (1549). Блж. Киприана Сторожевского. Прп. Адриана, игумена Пошехонского. Псково-Печерской иконы Божией Матери, именуемой "Умиление" (1524).

Божественная литургия Иоанна Златоуста, начало в 7-00 и 9-00 утра.